

"Телохранитель - 1 (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

«Когда он успел так набратся? Пить не умеет, сопля, а туда же... С жиру бесится!»

Власов оглянулся назад – хозяйский сынок Ванька валялся на сидении безжизненным тюком. «Папашка ему сказал, что больше по его капризу телохранителей менять не станет. Так он решил меня доконать, чтоб сам уволился. Или показать, что с работой не справляюсь, не спасаю дитятку от алкоголя».

Семнадцатилетнее дитяtko, меж тем, заворочалось, его явно мутило. Власов остановил машину и, тяжело вздохнув, пошел выволакивать «клиента» на свежий воздух. А то ведь запросто может блевануть прямо в машине. И кому потом убирать? Ясен пень, Власову...

Вытащил, довел до двора, чтоб, значит, не посреди проезжей части... Смотрел, как парня выворачивает, думал... О том, что всего каких-то полгода – и у них с Ириской будут деньги на квартиру. Пусть скромную однокомнатку, но свою, не съемную. Можно будет пожениться, детишек завести... А пока нужно терпеть. И приглядывать, чтоб этот засранец одежонку себе не замарал.

Власов потащил Ваньку обратно к машине. От того воняло, и телохранитель, недолго думая, вылил ему на башку полуторалитровую бутылку «Швепса». Это привело Ваньку в себя, и он тут же начал возмущаться. А после того, как Власов схватил его за патлы и швырнул в машину, возмущение стало ещё активнее. Ванька и по трезвости-то на язык говнистый, а уж когда пьяный...

- Ты чё себе позволяешь?! Ты чё руки распускаешь?! Твоя работа, между прочим, охранять меня. А ты мне синяк поставил, вот, на лбу, это об машину... А я тебе не бомжара какой, чтоб со мной так обращаться, у меня щас самый сложный период в жизни... Я самоопределяюсь... Крути баранку давай, чего уставился, амёба ты с ложноножками!

Весь этот пьяный бред Власова не трогал, не раз уже слышал. Но вот «амеба» прозвучала впервые, и на неё Власов почему-то страшно обиделся. Настолько, что вышел из себя. Одним прыжком. Могучая длань телохранителя как-то сама собой ухватила тонкое, ещё мальчишеское Ванькино горло, сдавила... Ванька захрипел, задергался, попытался вырваться, даже руку Власову оцарапал, но всё бесполезно – от такой хватки на раз не избавишься. И парень смирился, обмяк, только всхлипывал да хлопал пушистыми девчоночьими ресницами, глядя на своего телохранителя с нескрываемым испугом. А потом к испугу ещё кое-что примешалось – призывно-покорное. И когда Власов, чувствовавший под своей ладонью тонкую, нежную кожу шеи, чуть вздрагивающий кадык, заметил это новое в Ванькиных глазах, его жаром обдало, как в парилке. И чувство такое появилось... Интересное чувство. Если сложить воедино то, что он в детстве испытывал, когда в родительскую спальню подглядывал, и то, что испытывал в ОМОНе, когда бандитские челюсти крушил, - вот, самое оно будет.

Но Виктор Власов был не любитель анализировать свои чувства, поэтому просто выпустил Ванькино горло, хмыкнув недоуменно: «Однако...» И успел краем глаза заметить почти такое же недоумение на лице Ваньки.

А вот то, что сопляк не рассказал отцу о произошедшем, Власова, как раз, не удивило. Хозяин сейчас и сам старался не давать сынку поблажек, к тому же правдивость Ванькиных слов весьма невысоко оценивал.

С того дня Ванька немного присмирел. Нет, огрызался-то он по-прежнему, но выебонов с пьянками-гулянками больше не устраивал. Власов расслабился и, как оказалось, напрасно.

... Пал Ваньч - хозяин - отправился с супругой в деловую поездку, поручив чадо заботам Власова.

- Ты с ним построже, - наказал он перед отъездом сыновнему телохранителю. - Чтоб только учеба, и никаких клубов, никаких компаний.

Власов молча кивнул, дескать, все понял, будет исполнено в лучшем виде. И прокололся на следующий же день...

По дороге домой чертов сопляк вышел, чтобы сока купить. Жажда его, якобы, замучила. И исчез, пока Власов слушал итоги прошедших матчей футбольного первенства. «Так мне и надо! Нечего было клювом щелкать. Старею, блин!» - твердил себе тридцатилетний Власов, кружа по городу и обыскивая один клуб за другим. Ваньку обнаружил уже в десятом или одиннадцатом по счету заведении, почти что ночью, истратив кучу нервов, сил и бензина.

Пропажа сопротивления не оказала, только измывалась всю дорогу:

- И где же твой хваленый профессионализм? Тебе только в школе сторожем работать. И то - все глобусы потырят.

Власов молча вел машину, хотя его возмущенный разум всюду кипел и требовал свершить возмездие. И хорошо бы - с воспитательным эффектом. «Всыпать бы ему как следует! Чтоб неделю сесть не мог!» - такая мысль возникала у Власова не впервые. Но сегодня она была особенно настойчивой, и телохранитель не стал её прогонять, а, наоборот, развил дальше. - «А почему бы и нет! Я ведь должен построже с ним, так? К тому же, задница - не рожа, синяки в глаза не бросаются».

Замыслено - сделано. Едва втолкнув «объект» в его комнату, Власов вытянул из брюк ремень, сложил пополам... Ванька, увидев его приготовления, попытлся, но был тут же пойман. Власов кинул его грудью на письменный стол, крепко прижал одной рукой, а второй сдернул с Ваньки штаны.

- Отпусти, придурок! - заверещал тот. - Я кричать буду, домработница услышит...

- Ага, давай, ори, - спокойно отозвался Власов. - Услышит, придет... Публичная порка - это даже лучше.

И подумал: «Не заорет. Самолюбие-то - ого-го».

И точно - Ванька не заорал, дергаться перестал, только прошипел сквозь зубы:

- Гад!

- Так-то лучше! - усмехнулся Власов и от души хлестнул ремнем по Ванькиной заднице.

Садистом Власов себя не считал, но то, как Ванька вздрагивал и вытягивался после каждого удара, как негромко взвизгивал и хлюпал носом - это доставляло телохранителю-эксекютору некоторое удовольствие. «Это тебе за амёбу! А это за ложноножки!» - злорадно думал он, когда тяжелый ремень со свистом рассекал воздух и оставлял красные полосы на голых ягодичах.

Остановился Власов только тогда, когда Ванькин зад целиком окрасился в пунцовый цвет.

- Будет с тебя! - объявил Власов и напоследок хлопнул Ваньку ладонью по пояснице. Легонько хлопнул, не должно было быть больно, тем более, после такой основательной порки... Но Ванька вздрогнул всем телом и резко выпрямился. Власов ожидал, что лицо у парня будет сердитым и обиженным. Таким оно и было, но при этом во взгляде читалось уже знакомое - призывно-покорное...

И тут же Власов почувствовал то самое, что и тогда, в машине, когда держал Ваньку за горло. «Что же это происходит?» - спросил себя телохранитель. Вместо ответа в сознании упорно всплывала фраза из дурацкого романчика, которые так любит читать Ириска: «Всё его существо было охвачено непреодолимым желанием». Насчет всего существа можно было сомневаться, но отдельные части... Желание было сильным и вполне конкретным. Невольно глянув Ваньке ниже пояса, Власов обнаружил у того аналогичное желание в аналогичной части существа. «Ах ты, мелкий извращенец!» - возмутился было Власов, но ехидный внутренний голос тут же осадил его: «А сам-то кто?»

С этим надо было что-то делать. Самым разумным было бы немедленно уйти отсюда. Но разум Власова сейчас явно ленился, в то время как ладонь уже сама потянулась к горячей Ванькиной попе. «Я только проверю» - нашлось оправдание. - «Действительно ли все так, как кажется». Ладонь легла на ягодичу, погладила, сжала... Кожа была гладкой, мягкой и такой раскаленной, что того и гляди обожжешься. Ванька удивленно ойкнул и... нагнулся, снова распластавшись грудью на столе. От такого недвусмысленного приглашения у Власова окончательно сорвало крышу.

Где-то на заднем дворе сознания металась мысль, что всё происходящее не есть гут и может иметь неприятные последствия. Но, когда Власов решительно, по-хозяйски раздвинул маленькие крепкие ягодичу, всё на свете вытеснила единственная забота: дырочка такая маленькая, а член такой большой. Анальный секс у Власова случался только раз, в пору безбашенной армейской юности, с какой-то бабой и по сильной пьяни. Полезное воспоминание от этого осталось только одно: нужен вазелин. Ну, или что-то вроде того... Слюной? Но во рту всё пересохло, как назло... Взгляд заметался по близлежащим предметам и наткнулся на

тубик с клубничным мармеладом, валявшийся на столе.

Когда процесс намазывания Ванькиной «норки» был уже в разгаре, сам Ванька беспокойно заворочался.

- Фу! Оно липкое...

Власов решил проблему недовольства просто: приказал Ваньке заткнуться. Что тот и сделал. И послушно молчал ровно до тех пор, пока Власов не начал ему вставлять. Н-да, размер, всё-таки, имеет значение...

- Больно! – застонал Ванька и рванулся вперед.

«Наверное, и правда, больно» - согласился Власов. Но внутри Ваньки было так горячо и тесно, и ни за что на свете не хотелось покидать эту расчудесную задницу... «А, с другой стороны, чего он ждал?»

- Терпи! – сурово рыкнул Власов и, покрепче ухватив парня за талию, рванул на себя, всадив в него член до основания. Ванька вскрикнул, забился, захлопал ладонями по столу... Но уже через секунду выгнулся, начал пристраиваться, а потом и вовсе стал активно подмахивать. И кончил Ванька тоже первым, при этом так туго сжав член Власова, что телохранитель тут же «догнал», выплеснувшись в охраняемое тело, пока оно ещё билось в волнах оргазма.

Некоторое время в голове было легко и пусто. Нужно же некоторое время на очухивание после того, как в голове взрывались воздушные шарики, а перед глазами сверкали разноцветные искорки. Ни с одной женщиной Власову так не было, даже с Ириской. Сейчас и шариков было больше, и искорки ярче. Мысль «Неужели я голубой?» была нежеланной, думать её не хотелось. А хотелось – как обычно после хорошего секса – спать.

- Спокойной ночи, - пожелал он сползшему со стола на пол Ваньке. И вышел.

«И как с ним теперь обращаться?.. Хм... Завтра. Я подумаю об этом завтра» - последняя фраза, кажется, тоже была из какого-то любимого Ириской романчика...

Наутро Ванька в положенное время к машине не вышел. Власов немного подождал, потом вошел в дом, и выяснил у домработницы, что Ваня ещё почивать изволит. «Начинается!» - вздохнул Власов и направился в Ванькину комнату.

- Подъем! Ты в школу опаздываешь!

Ванька высунулся из-под одеяла и тоскливо протянул:

- Не пойду никуда. Я болен, у меня болит душа и жопа. А всё ты виноват...

Власов не собирался с ним пререкаться, он знал только, что Ваньке пора на учебу. А потому молча сдернул с парня одеяло... И смотрел на раздетое Ванькино тело, которое в будущем обещало стать стройным и красивым, но пока что было худым и нескладным, смотрел на раскрасневшуюся щеку, которая, судя по всему, только что давила подушку, на пушок над верхней губой... Он и не предполагал, что всё это может так возбуждать...

Через несколько минут Власов снял со своих плеч Ванькины ноги, быстро поднялся и кинул парню первые попавшиеся под руку шмотки.

- А теперь одевайся и марш в школу!

Так они и жили. В минус Власов мог засчитать свои терзания по поводу того, что трах – а это был именно трах, жесткий, грубый, без всяких там нежностей и ласк – с мальчишкой заводит его больше, чем секс с любимой женщиной. Плюсом считал изменившееся к лучшему поведение Ваньки – тот стал куда более покладистым, чем раньше, по крайней мере, с Власовым. Сам трах тоже был, скорее, плюсом: такой силы и остроты ощущений у Власова не было не то, что с Ириской, а вообще ни с кем. «К тому же, с Ириской у меня ведь всё в норме. А значит, я не голубой!»

Соотношение плюсов и минусов казалось вполне выигрышным и устраивало Власова, пока не вернулись родители Ваньки.

На вечеринке, устроенной по возвращении, подвыпивший Пал Ваньч, хлопая сыновнего телохранителя по плечу, громко восхищался:

- Макаренко! Как есть – Макаренко! Ивана, прямо, не узнать, серьезный стал, дисциплинированный, учителя на него не нахвалятся. И всё твоя заслуга, не скромничай, я же вижу, как он на тебя смотрит...

Власову стало стыдно. Отыскав Ваньку, шепнул ему:

- Надо серьезно поговорить. Без свидетелей.

Они уединились в кладовке уборщицы. Власов сразу заговорил решительно, тоном, не предполагающим возражений:

- Пора с этим заканчивать. Пошалили – и будет!

И Ванька таки не возражал. Наоборот, со словами: «Да, я тоже так думаю!» закивал головой. Русая прядка выбилась, упала на лицо, Ванька трясущимися пальцами тщетно пытался заправить её за ухо... Не стоило Власову трогать эту прядку... И эти пальцы... Через несколько

минут он самозабвенно драл своего подопечного, устроившись кое-как среди швабр и тряпок.

И всё же Власов решился... Последней каплей стала ссора с Ириской. Власов не заметил её новой причёски, а она отвернулась от него ночью. И тогда Власов чуть не изнасиловал её, действуя, как с Ванькой, грубо и жестко, и заходясь нечеловечески от этой грубости... Но смог вовремя остановиться, утешить расплакавшуюся Ириску. А утром пришел напрямик к Пал Ваньчу и написал заявление, объяснив неожиданное увольнение «семейными обстоятельствами». В принципе, не соврал...

О Ваньке он почти не вспоминал. Ну, может, изредка. Иногда. Самую малость. И в такие моменты Власов говорил себе: «Всё равно, это было ненормально, и не могло долго продолжаться. И, в конце концов, закончилось бы очень плохо». Эти рассуждения были со всех сторон разумными, но подозрительно напоминали самоутешение...

А через пару месяцев неожиданно позвонила Ванькина мама. Голос у неё был со слезой, а объяснение сбивчивым и очень эмоциональным:

- Виктор, Вы меня извините, муж запретил Вам звонить, сказал, это не Ваша проблема, я и сама понимаю, что не Ваша, это же наш сын, почему кто-то должен...

- Что с ним? – не совсем вежливо перебил Власов, чувствуя, как вспотели ладони и застучало в висках.

- Это всё нервное напряжение... Специалисты говорят – такое часто случается во время выпускных экзаменов...

- Да что с ним?!?! – Власов с трудом подавил желание обматерить дамочку.

- Наглотался таблеток... Но сейчас уже все в порядке, вовремя заметили, вызвали неотложку.

Власов шумно выдохнул.

- А от меня-то что требуется? – спросил он, уже смутно догадываясь.

- Понимаете, – несколько замялась женщина. – Ваня – такой ранимый, с людьми плохо сходится. А к Вам он очень привязался, это и муж заметил. Конечно, мы сами должны им заниматься, воспитывать, но – у мужа очень ответственная должность, он государственный человек, а я его правая рука, так что... А Ваня – у него сейчас самый сложный период в жизни, он самоопределяется...

Власов хмыкнул: «Где-то я такое уже слышал».

- Хотите, чтобы я вернулся?

- Да! – обрадованно подтвердила она. – А то муж грозит показать Ваню психиатру, но я думаю, это ещё больше мальчика травмирует... Я обещаю платить Вам вдвое больше.

Нельзя сказать, что последний довод был решающим, но некоторое воздействие он оказал. На следующий же день Власов вернулся охранять драгоценное Ванькино тело.

- Ну, и что ты тут устроил? – хмуро спросил он парня, как только они остались наедине.

Ванька насупился.

- Я, между прочим, чуть не умер.

- И что? – Власов решил быть суровым и непоколебимым. – Жалости ждешь? Пусть тебя мамка с папкой жалеют, а я не буду. И нечего комедию ломать: хотел бы умереть, так умер бы.

У Ваньки вдруг задрожали губы.

- Гад! Ненавижу тебя!

Парень отвернулся. Через секунду плечи его начали вздрагивать, и до ушей Власова донеслось жалобное хлюпанье. Сомнений не было – Ванька разревелся.

Власов терпеть не мог этой слякоти, противно же, когда парни режут. Но... Плачущий Ванька выглядел совсем по-другому: как одинокий богатый мальчик, у которого есть все, кроме внимания близких людей, кроме настоящей заботы, которая подразумевает иногда строгость и ограничения.

- Ладно, фиг с тобой, – вздохнул, сдаваясь, Власов. – Но это всё неправильно, понимаешь? Это ненастоящие отношения...

Тут Власов умолк. Во-первых, потому что в жизни не произносил нравоучительных речей. А во-вторых, не мог точно сказать, как должны выглядеть настоящие отношения. И почему эти отношения – ненастоящие...

Он просто решил остаться с Ванькой. Пока. Ириске объяснил, что дело в деньгах, и это была правда, хоть и не вся.

Ванькина мама посоветовалась со специалистами и постановила, что Ваньке необходимо сменить обстановку. Сыночек был отослан на курорт аж в Доминиканскую Республику. В

сопровождении верного телохранителя.

Власов изо всех сил надеялся, что курорт подействует, и вся эта игра Ваньке надоест. А что будет, если не надоест... Об этом Власов предпочитал не думать.

mir-knigi.org